

УДК 398.2

DOI: 10.34670/AR.2020.91.70.041

Хантыйские исторические предания и официальные документальные источники о богатых оленеводах 1930-х гг. XX столетия

Ерныхова Ольга Даниловна

Начальник фольклорного центра,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а;
e-mail: urnhop@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается деятельность двух самых богатых оленеводов вновь сформированного Остяко-Вогульского национального округа начала 1930-х гг. XX столетия. Источниками исследования послужили исторические и семейные предания, опубликованные документы государственных архивов: оперативные сводки органов ОГПУ и др. Раскулачивание и экспроприация богатых оленеводов явилась трагической страницей этнической истории хантов. Советизация Обь-Иртышского Севера сопровождалась социальными потрясениями, такими как коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание, экспроприация богатых оленеводов, и этот период этнической истории народа ханты нашел свое отражение в фольклорных произведениях. Интерес к проблеме народной интерпретации исторических событий в 1920-1930-е гг. у народов России растет: за последнее десятилетие было опубликовано немало статей на эту тему. В работе показано, что деятельность двух богатых оленеводов отражают и хантыйские исторические предания, преломляясь через призму народных представлений и опубликованные исторические документы. Рассмотрение такого рода материалов представляет большой интерес при исследовании истории фольклора, при изучении кризисной и неоднозначной эпохи советского государства, как раскулачивание и экспроприация богатых оленеводов.

Для цитирования в научных исследованиях

Ерныхова О.Д. Хантыйские исторические предания и официальные документальные источники о богатых оленеводах 1930-х гг. XX столетия // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2020.91.70.041

Ключевые слова

Исторические предания, раскулачивание, коллективизация, северное оленеводство, хантыйские семейные предания.

Введение

Историческая память народа ханты отражена в семейных и исторических преданиях, устных рассказах о том или ином периоде истории. Советизация Обь-Иртышского Севера сопровождалась социальными потрясениями, такими как коллективизация сельского хозяйства, раскулачивание, экспроприация богатых оленеводов, и этот период этнической истории народа ханты нашел свое отражение в фольклорных произведениях. Интерес к проблеме народной интерпретации исторических событий в 1920-1930-е гг. у народов России растет: за последнее десятилетие было опубликовано немало статей на эту тему. Источниками этих исследований послужили исторические и семейные предания, опубликованные документы государственных архивов: оперативные сводки, заявления граждан, сведения из исторической литературы.

Основная часть

Коллективизация сельского хозяйства в виде слухов и толков в информационных сводках ОГПУ, «в письмах во власть» и в мемуарах рассмотрена в исследовании Н.С. Петровой [Петрова, 2018]. Она отмечает, что «опосредованный характер, отрывочность представленных в данных письменных документах фольклорных сведений делает весьма затруднительным полный текстовый анализ таким форм, однако остается возможность вычленить «семантические осколки» в виде исходных текстов в виде отдельных мотивов, которые иллюстрируют неподцензурную фольклорную реакцию на событийные реалии». Слухам и толкам времен коллективизации и раскулачивания посвящено исследование И.А. Бессонова [Бессонов, 2009]. Он утверждает, что «слухи, распространившиеся в 1930-е годы в советской деревне с одной стороны обусловлены конкретно-исторической ситуацией, а с другой отражают многие традиционные народные представления и вбирают в себя классические фольклорные мотивы» [Бессонов, 2009. С. 25]. Как коллективизация сельского хозяйства в 20-30-е гг. XX века отразилась в фольклоре у коряков, было рассмотрено в статье Т.А. Голованевой [Голованева, 2019]. Она утверждает, что попытки сокрытия семейных табунов от советской власти расценивались рассказчиками из числа коряков как спасение табунов, а сама советская власть предстает как враждебная, разрушительная сила.

Отражение темы раскулачивания в слухах и толках, а также в исторических преданиях хантыйского народа рассмотрим на примере деятельности двух самых богатых оленеводов начала 1930-х гг. на территории вновь сформированного Остяко-Вогульского округа – Василия Захарова (Васьки Сорума) и Кунина Ефима (Шатина). Они являются персонажами легенд и исторических преданий хантыйского фольклора, героями невероятных слухов и толков. Надо сказать, что хантыйские легенды и исторические предания о деятельности данных оленеводов никогда не были опубликованы, однако удалось записать на хантыйском и русском языках на цифровые носители предания о Ваське Соруме. Записать предания о Ефиме Куnine пока только предстоит. Количество записанных сюжетов о Захарове Василии пока невелико и не насчитывает даже десятка. Однако на основе исторических преданий попытаемся осветить деятельность богатого оленевода Василия Захарова и с помощью документальных источников разобрать личность Ефима Кунина (Шатина) во вновь созданном в 1930 году Остяко-Вогульском национальном округе. Эти два богатых оленевода достаточно часто фигурировали в сводках ОГПУ по изучению настроений коренного населения, докладных записках чиновников и в других документах.

Оленье стадо Василия Захарова (Васьки Сорума) располагалось на территории бассейна реки Сорум (Березовский район) и насчитывало более 3 000 голов, а стадо Кунина Ефима (Шатина) паслось на территории Ларьякской тундры и количество оленей было более 5000. Расстояние между пастбищами этих оленеводов насчитывало более 700 км. Несмотря на значительную удаленность друг от друга, они все время поддерживали друг с другом связь и информировали один другого о происходящих вблизи районов событиях [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, 201].

По преданиям казымских хантов, а также многочисленным вариантам личной песни Васьки Сорума, несметное богатство в виде крупного стада оленей он приобрел благодаря непосильному труду. Первые тридцать оленей, которые явились племенными для его стада, он заработал тогда, когда в молодости трудился батраком у крупного оленевода-тунгуса. Позже, вырастив большое поголовье, он продавал оленей за золотые и серебряные монеты, которые хранил в объемном кованом сундуке. Оленевод Василий Захаров был известен своей невероятной скупостью, и детей своих нарядами не баловал. По этой причине дочери богатого оленевода были вынуждены красть из сундука монеты для покупки тканей и фурнитуры для одежды.

Деятельность оленевода Василия Захарова фрагментарно упоминается в книге «Казымский мятеж» [Ерныхова, 2010], посвященной истории Казымского восстания 1933-1934 гг. Всем был дан план на заготовку бревен на строительство Казымской культбазы, семье Васьки Сорума план был в 300 бревен, другим 200 или 100. Зимой 1931-1932 года народный следователь Уревич констатирует, что работник фактории Нумто Оленников без санкции тузсовета стал давать «твердые задания». Хозяйству Васьки Сорума дал задание на 6 000 рублей, а оно уже было выполнено на 4 500 рублей. Причем Оленниковым были применены такие запугивания и угрозы, что хозяйство Васьки Сорума, чтобы «не быть высланным» в десятидневный срок убило и сдало 170 пешек (молодняка) и сдало, чтобы только не быть высланным. Далее Уревич свидетельствует, что у него была произведена опись имущества, вплоть до чайных чашек [Ерныхова, 2010, С. 112].

Как рассказывает носитель хантыйского фольклора М.Г. Тарлин, осенью или зимой 1930-х г. он этот сундук задумал спрятать. На ездовую нарту этот предмет был погружен двумя крепкими батраками, после этого Василий Захаров со стойбища своего выехал, запретив кому-либо следовать за ним. Сундук с золотыми и серебряными монетами он схоронил близ священного озера, которое располагается в бассейне реки Сорум. Причем рассказчик не сомневается, в том, что сундук мог кто-то найти. Данное предание, без сомнений, сложено по канонам хантыйской фольклорной традиции и насыщено множеством сказочных формул. По мнению М.Г. Тарлина, сундук так и находится в том месте, где был спрятан Василием Захаровым.

Другой рассказчик Е.Д. Каксина повествует, что содержимое сундука даром было спрятано вблизи священного места: Василий Захаров был уверен в том, что сокровища на святилище никто не осмелится искать.

Место, где было забито трехтысячное оленье стадо, принадлежащее Ваське Соруму, также является священным. По сообщению А.А. Ерныхова, земля на этом месте настолько была пропитана кровью оленя, что продолжала долгое время сочиться из грунта. Если говорить о духовном значении для казымских хантов святилища, находящегося близ реки Сорум, то сомневаться в силе этого священного места не приходится. Существует множество демонических рассказов, запретов у хантов, связанных с особым ритуалом проезда через устье

реки Сорум. Исследователь топонимии бассейна реки Казым Т.Н. Дмитриева отмечает, что из всех притоков Казыма именно река Сорум считается священной. Поскольку «главным духом охранителем Сорума, является хозяин Нижнего мира – дух болезней Хинь аки [Дмитриева, 2004, С. 39].

Бытуют исторические рассказы и о том, что Василий Захаров пытался отравить уполномоченных, которые приезжали на его вотчину для описи имущества. Как повествует М.Г. Тарлин, это произошло на стойбище. Очевидцем данного события являлся отец рассказчика – Тарлин Григорий. Василия Захарова власти обещали оставить в покое после экспроприации его оленьего стада. По приезду уполномоченных Васька Сорум распорядился забить самого жирного и крупного оленя для угощения гостей. Мясо забитого оленя варилось то ли в одном, то ли в нескольких котлах. У него была припасена небольшая бутылочка с ядом, которую он положил за пазуху. Под предлогом помешивания котла он незаметно для окружающих вылил содержимое бутылочки в котел, однако, был замечен и схвачен. После этого уполномоченные скормили котел собакам, и животные в тот же час скончались. Это предание заканчивается тем, что если бы Васька Сорум не предпринял попыток отравить уполномоченных, то так и дальше бы жил со своей семьей на своих угодьях. Как свидетельствуют документальные источники, он сбежал в 1927 году из Тобольской тюрьмы [Дмитриева, 2004, С. 201], однако не совсем ясно, в каком же году производилась опись имущества и случай с попыткой отравления.

Деятельность его хозяйства позволяла выполнять планы по добыче пушнины, заготовке оленьего мяса и пр. Кроме этого в рассказах казымских хантов его имя произносится с явным уважением, и нет сомнений, что он являлся наиболее авторитетной личностью среди хантов. Малообеспеченные оленеводы трудились его в стаде, имея возможность заработать. То, что «беднота полностью зависит от богатых оленеводов и пасти свои стада самостоятельно без их помощи они не могут», – подчеркивал и в докладной записке окружному прокурору народный следователь Уревич И.П. [Ерныхова, 2010, С.111]. Он же утверждает, что советская власть не позаботилась о бедноте, имея в фонде помощи всего 250 рублей, что может равняться нулю. В таких условиях говорить о том, что беднота будет поддерживать советскую власть преждевременно. Ранее беднота, не имея оленей для убоя, все сырье (шкурки, лапы и т.д.) получала от богатых оленеводов. При усиленных оленезаготовках властей бедноте не перепадало уже ничего. И, по мнению, народного следователя Уревича, справедливыми могут быть слова бедного остяка: «Мы раньше жили хорошо, дайте нам жить так, как мы жили раньше».

Деятельность оленевода Кунина Ефима (Шатина) попытаемся выяснить из архивных документов, поскольку семейных преданий и исторических рассказов в фольклорном архиве пока не записано. Как свидетельствует докладная записка Остяко-Вогульского окружного отделения в полномочное представительство ОГПУ по Уралу «О политическом состоянии тундры Ларьякского района» коренное население до революции находилось в полной зависимости от оленевода Кунина. В отличие от Василия Захарова, который сам вырастил и приумножил многотысячное стадо, богатство Ефиму Кунину перешло по наследству от его отца – Кунина Ивана.

Как пишет в своей статье о богатом оленеведе А. Петрушин, «в начале 1920-х годов, будто предчувствуя скорую смерть, Иван Кунин разделил своё имущество между тремя сыновьями. По каким-то причинам старший сын впал в немилость, и основное богатство было поделено между средним сыном Михаилом и младшим Ефимом. Михаил вскоре умер, и единственным хозяином огромного оленьего стада и запасов пушнины стал Ефим по прозвищу Шата. Он же

принял в свою семью шестерых детей умершего брата. Домашнее хозяйство вели две жены Ефима, старшая по возрасту — русская и младшая — остячка. По свидетельству жителя села Ларьяк Евгения Александрова, «жизнь Шатина отличается от других. Издалека можно узнать его чум: если он стоит в группе других, то возле него стоят десятка полтора нагруженных нарт, вокруг болота пасутся две-три сотни оленей. Чум Шатина двойной, внизу кругом имеется сукно, сверху покрыт оленьими шкурами. Посреди чума стоит железная печь, сделанная из толстой жести...» [Петрушин, 2006, С. 63].

Часть своих оленей богатый оленевод отдавал малообеспеченным хантам на неопределенный срок, за что те должны были выполнять различного рода работы. Затем олени возвращались хозяину, а малообеспеченный должен был расплатиться за аренду оленей пушниной, чаще шкурками белки. Полученную таким образом пушнину Кунин сбывал крупными партиями по рекам: Таз, Пур, Корейка, Толька, Тазовка. Оборот торговли в то время достигал 100 тысячи рублей в год. Для выпаса значительного оленьего стада в штате у Кунина находилось более 10 батраков. Также народная молва приписывала ему обширные связи с зарубежными оленеводами из Норвегии, причем дважды (в 1924 и 1927 гг.) он ездил в Норвегию с целью торговли. После одной из этих поездок он привез подарок от норвежцев – нож в золотой оправе. Путешествие на оленях в Норвегию и обратно, на наш взгляд, представляется невозможным, поскольку расстояние между Ларьякской тундрой и Норвегией составляет около 4 000 км «по санному пути». Этот промежуток по тем временам мог бы занять от 4 до 6 месяцев. Этот факт из исторического документа, можно считать сомнительным в деятельности оленевода Кунина.

Показательным являются рассказы о том, как его принимали в чуме ханты. Перед приездом Кунина в чуме «скоблятся ножом доски», на которых располагается чайный столик, в качестве сидения для богатого оленевода Кунина готовится «лучшая новая оленья шкура». В роли развлечения им практикуется ловля оленей арканом, при этом сам себя он не утруждает сматыванием тынзына, а за него это делает рядом находящийся ханты. Также известно, ему оказывали прием в прошлом купцы, которые были заинтересованы в его покупательской способности. Его принимали в лавках как самого важного гостя, подстилая под его ноги дорогие ковры. Зависящие от него ханты-оленеводы «были готовы пойти за Кунина куда угодно и даже положить за него жизнь. «Один остяк на заданный ему вопрос: «Как ты будешь расплачиваться с Шатиным за оленя, если белок мало добыл?» – ответил: «Умирать буду, но заплачу» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, С. 201]. Эти подробности, приведенные в документе, свидетельствуют о том, что докладная записка составлена по устным сообщениям хантыйских оленеводов, по своему интерпретирующих исторические события и со своим пониманием реальности. Вполне благодушный стиль докладной записки, подписанный временно исполняющим обязанности начальника Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Шварева о политическом состоянии тундры Ларьякского района, словно свидетельствует нам не о классовом враге – шамане и кулаке Ефиме Кунине, а о каком-то крупном руководителе советского колхоза [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, С. 200-202].

Также известен властям был факт сотрудничества богатого оленевода Кунина-Шатина с государственными организациями. Такой контракт был заключен с факторией Уралпушнины и он был взаимовыгодным для обоих. С одной стороны государственное предприятие, заинтересованное в выполнении плана, а с другой перекупщик, надежный и основной сдатчик пушнины. Кроме этого, Куниным практиковалась выдача займов для мелких предприятий, например, заведующему агентством Сибторга А.Я. Кононенко был выделен кредит Шатиным

на несколько тысяч рублей на текущие расходы организации [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, С. 202].

В 1931 году, с целью уйти от коллективизации и ограничительных мер Кунин собрал большое количество зависящих от него хантов с семьями, пушнину и откочевал в бассейн реки Енисей, надеясь уйти от раскулачивания и репрессивных мер. Также органами ОГПУ было установлено, что у Кунина имеется золото. После этого вопрос о его «экспроприации» был решен органами ОГПУ, и в декабре 1932 года богатый оленевод Кунин был арестован, когда приехал на ярмарку. У него было изъято «золотой валюты на сумму 8 235 рублей». Ханты, узнав об аресте, отказались выезжать на ярмарку, требуя его освобождения. Для того, чтобы их усмирить, было направлено к ним несколько делегаций. В связи с его арестом, часть остяков была допрошена органами ОГПУ, однако «на вопрос, сколько у Шатина имеется оленей, ответить категорически отказались, заявив так: «Этого без разрешения хозяина сказать не можем, дайте нам увидеться с ним, пусть он нас благословит на это» [Судьбы народов Обь-Иртышского Севера, С. 202]. Эта часть документа свидетельствует о том, что на самом деле Ефим Кунин завоевал почет, уважение и авторитет у своих соплеменников, его деятельность была полезна и выгодна как коренному населению, так и советским организациям. Можно сказать, что слухи и толки, выявленные в официальных документах о богатом оленеведе Ефиме Куnine, носили реалистичный характер. Стиль изложения в оперативных сводках ОГПУ о деятельности этого богатого оленевода позволяет делать вывод о том, что и карающие органы советской власти не скрывали явной симпатии и уважения к его личности.

Заключение

Таким образом, деятельность двух богатых оленеводов отражают и хантыйские исторические предания, преломляясь через призму народных представлений и опубликованные исторические документы. Рассмотрение такого рода материалов представляет большой интерес при исследовании истории фольклора, при изучении кризисной и неоднозначной эпохи советского государства, как раскулачивание и экспроприация богатых оленеводов.

Список информантов

Каксина Евдокия Даниловна (1968) – носительница и исполнительница хантыйского фольклора, научный сотрудник Белоярского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, проживает в с. Казым Белоярского района;

Тарлин Максим Григорьевич (1928 – 2019) – носитель хантыйского фольклора, председатель Казымского сельсовета в 1960-70-х гг., проживал в с. Казым Белоярского района;

Ерныхов Андрей Александрович (1942) – пенсионер, носитель и исполнитель хантыйского фольклора, директор этнографического музея под открытым небом, знаток священных песен медвежьих игрищ.

Библиография

1. Петрова Н.С. Коллективизация в слухах и толках конца 1920-х–1930-х гг./ Традиционная культура. Т. 19. № 3. 2018. С. 126–137.
2. Бессонов И.А. Слухи и толки времен коллективизации и раскулачивания/ Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 3-2, 2009, С. 23-25.
3. Голованева Т.А. Корякские исторические предания о раскулачивании оленеводов/ Языки и фольклор коренных

- народов Сибири. №2(38). 2019.С.16-25.
4. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сборник документов. Тюмень. 1994. 320 с.
 5. Ерныхова О.Д. Казымский мятеж (об истории Казымского восстания 1933-1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т, 2010. 212 с.
 6. Дмитриева Т. Н. Запретная река Сорум (о некоторых топонимах бассейна реки Казым, связанных с духовной культурой ханты) // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; [под ред. М. Э. Рут, Л. А. Феоктистовой]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. — Вып. 5. — С. 38-43.
 7. Петрушин А. Проклятье шамана // Родина, № 3, 2006, С. 60-64.

Khanty historical traditions and official documentary sources about rich reindeer herders of the 1930s of the XX century

Ol'ga D. Ernykhova

Head of the folklore center,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
628011, 14a, Mira str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: urnhop@yandex.ru

Abstract

The article examines the activities of two of the richest reindeer herders of the newly formed Ostyako-Vogul National District in the early 1930s. The sources of the study were historical and family traditions, published documents of the state archives: operational reports of the OGPU bodies, etc. The dispossession and expropriation of rich reindeer herders was a tragic page in the ethnic history of the Khanty. The Sovietization of the Ob-Irtysh North was accompanied by social upheavals, such as the collectivization of agriculture, dekulakization, and expropriation of rich reindeer herders, and this period of the ethnic history of the Khanty people is reflected in folklore works. Interest in the problem of folk interpretation of historical events in the 1920s and 1930s among the peoples of Russia is growing: over the past decade, many articles on this topic have been published. The work shows that the activities of two rich reindeer herders reflect the Khanty historical traditions, refracted through the prism of folk ideas and published historical documents. Consideration of such materials is of great interest in the study of the history of folklore, in the study of the crisis and ambiguous era of the Soviet state, such as the dispossession and expropriation of rich reindeer herders.

For citation

Ernykhova O.D. (2020) Khantyiskie istoricheskie predaniya i ofitsial'nye dokumental'nye istochniki o bogatykh olenevodakh 1930-kh gg. KhKh stoletiya [Khanty historical traditions and official documentary sources about rich reindeer herders of the 1930s of the XX century]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 217-224. DOI: 10.34670/AR.2020.91.70.041

Keywords

Historical legends, dekulakization, collectivization, reindeer husbandry, rumors, eschatology.

References

1. Petrova N. S. Collectivization in rumors and rumors of the late 1920s-1930s/ Traditional culture. Vol. 19. No. 3. 2018. pp. 126-137.
2. Bessonov I. A. Rumors and rumors of the times of collectivization and dekulakization/ Actual problems of the humanities and natural sciences. No. 3-2, 2009, pp. 23-25.
3. Golovaneva T. A. Koryak historical legends about dekulakization of reindeer herders/ Languages and folklore of indigenous peoples of Siberia. No. 2 (38). 2019. Pp. 16-25.
4. The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of national-state construction. 1822-1941 gg.). A collection of documents. Tyumen. 1994. 320 p.
5. Yernykhova O. D. Kazym'sky mutiny (on the history of the Kazym'sky uprising of 1933-1934). 2nd ed., add. Khanty-Mansiysk: Ugra State University, 2010. 212 p.
6. Dmitrieva T. N. Taboo river Sorum (on some toponyms of the Kazym river basin associated with the spiritual culture of the Khanty) // Onomastics and dialect lexicon: collection of scientific tr. / Ural State University named after A.M. Gorky; [ed. by M. E. Ruth, L. A. Feoktistova]. - Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2004. - Issue 5. - pp. 38-43.
7. Petrushin A. The shaman's Curse// Rodina, No. 3, 2006, pp. 60-64.